

Джозефина Тэй

Дело о похищении Бетти Кейн

Часть сборника
Дочь времени. Дело о похищении
Бетти Кейн (сборник)

Джозефина Тэй
Дело о похищении Бетти Кейн
Серия «Алан Грант», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254959
Дочь времени. Дело о похищении Бетти Кейн: АСТ: АСТ МОСКВА;
Москва; 2010
ISBN 978-5-17-063520-7, 978-5-403-03451-7

Аннотация

Напуганная школьница уверяет полицию, что чудом вырвалась из рук двух похитительниц, пытавшихся ее убить. Однако рассказ девушки считают ложью. За расследование берется скромный провинциальный адвокат Роберт Блэр – талантливый детектив-любитель...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джозефина Тэй Дело о похищении Бетти Кейн

Josephine Tey

THE FRANCHISE AFFAIR

Печатается с разрешения The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty и литературных агентств David Higham Associates Ltd и Synopsis.

© The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty, 1948

© Перевод. Л.И. Володарская, 2010

© Перевод. Н.И. Ильина, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

В этот весенний день Роберт Блэр уже подумывал о том, чтобы идти домой, хотя было всего четыре часа. Контора, разумеется, работала до пяти. Но если вы единственный Блэр фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет», вы уходите, когда считаете нужным. И если вы занимаетесь главным образом завещаниями, документами о передаче имущества и вкладами, то ваши услуги в этот час уже мало кому требуются. И если вы живете в Милфорде, где последнюю почту разносят в три сорок пять, то всякая деловая жизнь городка замирает куда раньше четырех часов дня.

Телефон вряд ли зазвонит. Друзья Блэра по гольфу к этому времени, очевидно, находятся где-нибудь между четырнадцатой и шестнадцатой лунками. К обеду его никто не пригласит, ибо приглашения в Милфорде все еще по старинке отправлялись по почте. Не позвонит и тетя Лин с просьбой по дороге домой купить рыбы, потому что нынче ее день посещения кино и сейчас она уже, несомненно, там.

И вот этим весенним днем в ленивой тишине маленького города он сидел в конторе, уставясь на последний луч, освещавший стол красного дерева, и подумывал, не пойти ли домой. В солнечном луче стоял поднос с чаем. Ровно без десяти четыре каждый день мисс Тафф вносила в кабинет лакированный поднос, покрытый белой салфеткой, на ней чашка

синего фарфора и такая же тарелка с двумя печеньями: масляное печенье по понедельникам, средам и пятницам, диетическое – по вторникам и четвергам.

Этот поднос Роберт помнил с тех пор, как помнил себя. Кухарка ходила с ним за хлебом в булочную, но мать Роберта, тогда еще совсем молодая женщина, пожертвовала поднос в контору. Что касается белой салфетки, то она возникла годы спустя, с появлением в фирме мисс Тафф. Мисс Тафф появилась во время войны. Это была первая женщина, занявшая место за рабочим столом уважаемой фирмы. Появление мисс Тафф чуть было не потрясло основ фирмы, но фирма с этим справилась, и теперь, почти четверть века спустя, трудно было себе представить, что худощавая, седовласая, строгая мисс Тафф могла когда-то вызвать такую сенсацию... В самом деле, единственным нарушением привычной рутины было появление белой салфетки: в доме мисс Тафф ничего никогда не ставилось прямо на поднос, без салфетки. Вот однажды она и принесла салфетку. Отец Роберта, хотя ему и нравился лакированный, ничем не покрытый поднос, был тронут заботой мисс Тафф и тем, что она как бы отождествляет себя с интересами фирмы. Салфетка прижилась, и теперь она такая же неотъемлемая часть фирмы, как медная дощечка на двери, ящики с документами и ежегодная простуда мистера Хэзелтайна.

И вот, в ту минуту, когда взгляд Роберта покоился на синей тарелке, он испытал странное чувство. Это чувство

не имело связи с диетическим печеньем, во всяком случае связи физической. Это чувство было связано с ощущением неизбежности: по четвергам печенье диетическое, а по понедельникам – масляное. До последнего времени Роберт не находил ничего дурного в этом постоянстве, в этой нерушимости. Никогда он не желал себе другой жизни, кроме спокойного, мирного существования в этом городке, где вырос. Да и сейчас он не желал ничего другого! Но вот в последнее время уже дважды или трижды его посетила странная, ничем вроде бы не вызванная мысль: «И это все, что ты увидишь в жизни». С этой мыслью появлялось неприятное ощущение в груди, похожее на тот почти панический страх, сжимавший его десятилетнее мальчишеское сердце, когда он вспоминал, что назначен на прием к зубному врачу. Это и раздражало, и изумляло Роберта, считавшего себя вполне счастливым человеком. Откуда берется странная, сжимающая сердце мысль? Чего ему не хватает? Жены? Но он бы мог жениться, если бы захотел. Заботливой матери? Но какая мать могла бы так о нем заботиться, как милая, добрая тетя Лин? Богатства? Но разве было хоть что-нибудь, чего он хотел бы купить и не мог? Если это не богатство, то что ж тогда богатство? Жизнь, полная приключений? Никогда он не жаждал приключений, кроме тех, какие даются охотой... Но что же тогда? Что ему нужно?

Роберт Блэр всегда надеялся, что жизнь его так и будет идти без перемен до самой смерти. С детства он знал, что

будет работать в фирме и со временем сменит своего отца. С добродушной жалостью он смотрел на мальчиков, у которых нет такого же заранее заготовленного удела, на тех, у кого нет Милфорда, где ждут друзья, где все полно воспоминаниями, на тех, у кого нет этой английской преемственности, уготованной фирмой «Блэр, Хэйвард и Беннет».

Уже с 1843 года в фирме нет Хэйварда, но юный отпрыск рода Беннетов – Невил в этот момент занимал заднюю комнату фирмы. Именно «занимал», но трудно было вообразить, чтобы он там работал: он писал там поэмы, ибо ничто иное его не интересовало. Поэмы были столь оригинальны, что понять их мог лишь сам Невил.

Солнечный луч касался уже самого краешка подноса, и Роберт окончательно решил идти домой. Он пройдет пешком. Прогулка по Хай-стрит всегда доставляла ему удовольствие. Не то чтобы Милфорд был уж таким красивым городом. Но в этом городке было нечто, отражавшее устойчивость английской жизни за последние триста лет...

Внезапно зазвонил телефон. Позже Роберт часто думал, а что бы случилось, если бы этот звонок раздался минутой позже? Минутой позже он уже взял бы свою шляпу с крючка в передней и, просунувшись в дверь комнаты напротив, сообщил бы мистеру Хэзелтайну, что уходит. И на этот звонок ответил бы Хэзелтайн, сказав, что мистер Блэр уже ушел. И все последующее представляло бы для Роберта лишь отдаленный интерес... Но телефон зазвонил вовремя, и Роберт

взял трубку.

– Мистер Блэр? – спросил женский низковатый голос. Чувствовалось, что в обычное время он звучит уверенно, но сейчас говорившая задыхалась. – Ох, как я рада, что застала вас! Я боялась, что вы уже ушли. Моя фамилия Шарп, Марион Шарп. Мы с матерью живем в доме Фрэнчайз на Ларборо-роуд.

– Знаю, – сказал Блэр. Он знал Марион Шарп по виду, как знал всех в Милфорде и его окрестностях: высокая, худощавая, темноволосая женщина лет сорока или около того. Обычно она щеголяла в ярких косынках, подчеркивающих ее цыганскую смуглость. В своем старом, выдавшем виды автомобиле она приезжала в Милфорд за покупками, а тем временем ее седовласая старая мать сидела в машине, сидела выпрямившись, как-то не вписываясь в городской пейзаж, и чудилось, будто она против чего-то молчаливо протестует. У нее был резко очерченный профиль, а когда она поворачивалась к вам лицом, было видно, что глаза у нее ясные, бледные, холодные – глаза чайки и похожа она на колдунью. Словом, малоприятная старая дама.

– Вы меня не знаете, – продолжал голос, – но я видела вас в Милфорде, и вы показались мне добрым человеком. Мне нужен адвокат! Сейчас нужен, сию минуту! У меня неприятности...

– Если речь идет о вашем автомобиле... – начал Роберт. «Неприятности» в Милфорде означали лишь две вещи: либо

задержка очередного взноса за автомобиль, либо нарушение правил уличного движения. Поскольку у Марион Шарп автомобиль был очень старый, речь шла, видимо, о втором. Но в любом случае это никак не касалось фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет». Он переадресует ее к Карлею, способному малому, чья контора на другом конце улицы. Карлей специалист по этим делам...

– Автомобиль? – спросила его собеседница таким тоном, будто ей было трудно вспомнить, что означает это слово. – А, поняла. Нет-нет, ничего похожего. Дело куда серьезнее. Скотленд-Ярд.

– Скотленд-Ярд!

Для мирного деревенского адвоката и джентльмена, каким был Роберт Блэр, слова «Скотленд-Ярд» звучали так же экзотически, как, скажем, Гонолулу, Голливуд или парашютные прыжки. В качестве сознательного гражданина он был в хороших отношениях с местной полицией, и на этом его связь с миром преступлений кончалась.

– Я никого не убила, если вы это думаете, – сказали на конце провода.

– Вопрос в другом: вас подозревают в том, что вы кого-то убили?

– Здесь дело не в убийстве. Меня подозревают в том, что я кого-то похитила. Короче, мне нужен адвокат сейчас же, сию минуту!

– По-моему, вам нужен не я, – ответил Роберт. – Я прак-

тически не разбираюсь в уголовном кодексе. Моя фирма такими делами не занимается. Я могу вам порекомендовать...

– Я не хочу адвоката по уголовным делам, я хочу друга! Чтобы он стоял рядом и следил, чтобы я не наговорила лишнего. Чтобы он подсказывал мне, на какие вопросы я могу не отвечать, если не желаю, и в этом роде... Для этого, по-моему, не обязательно быть специалистом по уголовным делам.

– Верно. И все же вам куда лучше поможет фирма, привыкшая к уголовным делам. Я думаю, будет разумнее...

– Знаете, что мне кажется? – перебила она. – У меня ощущение, будто я тону, не могу вылезти на берег, а вы, вместо того чтобы подать мне руку, убеждаете меня, что на противоположный берег вылезти куда проще...

Мгновение оба молчали.

– Напротив, – сказал Роберт, – я могу порекомендовать вам отличного специалиста по вытаскиванию тонущих на берег! Бенджамен Карлей куда лучше моего знает, как защитить тех...

– Что? Этот маленький человечек в полосатых костюмах?.. – Ее голос поднялся почти до крика. И снова секунда молчания. – Простите меня, – продолжала она затем своим обычным голосом. – Я говорю глупости. Но видите ли, я позвонила вам не потому, что считаю, что вы такой уж ловкий адвокат, но лишь потому, что я в беде и нуждаюсь в совете человека, который вызывает доверие... Мистер Блэр, прошу вас, приезжайте! Люди из Скотленд-Ярда сейчас у меня

в доме. И если вы, приехав, увидите на месте, что не желаете этим заниматься, вы же всегда сможете передать дело кому-то другому, правда?

Роберт Блэр был слишком добродушен, чтобы отказать человеку в разумной просьбе, и, кроме того, ему дали лазейку на случай, если дело покажется неприемлемым. Ему уже расхотелось переадресовывать эту женщину к Бену Карлею. Несмотря на ее глупые слова о «полосатых костюмах», Роберт в общем-то понял, что она имела в виду. Если вы действительно что-то натворили и хотите избежать ответственности, то Карлей тут неоценим. Но если вы просто растеряны, если вы в беде и невиновны, то вряд ли Карлей с его нагловатыми манерами мог оказать помощь.

«О каком похищении идет речь? – думал Блэр, направляясь за своим автомобилем в гараж на Син-лейн. – Существует ли такое преступление в английском своде законов? И кого могла эта женщина похитить? Ребенка? Быть может, вундеркинда? Хотя обе женщины жили в большом доме на Ларборо-роуд, они производили впечатление людей очень и очень небогатых. А может, они похитили ребенка, потому что решили, что с ним плохо обращаются его законные опекуны? Возможно. У старухи лицо фанатички, да и сама Марион производила впечатление человека, способного при случае пойти на риск. Да, возможно, это просто дурно понятая филантропия». «Задержание с целью лишить родителей, опекунов и т. д. власти над...» Эх, подзабыл он уголовное

право! Не мог вспомнить сейчас: похищение – это уголовное дело с соответствующим наказанием или же проступок? Делами о «похищении и задержании» фирма «Блэр, Хэйвард и Беннет» не занималась с 1798 года, когда один молодой сквайр из Лессоус, выпив несколько больше, чем следует, на балу у неких Греттонов, перекинул через седло юную мисс Греттон и ускакал с ней, причем о намерениях сквайра не так уж трудно было догадаться...

На узенькой улочке Син-лейн прямо друг против друга стояли гараж и платная конюшня города Милфорда, пребывающие в состоянии вечной вражды. Автомобили пугали лошадей (так, во всяком случае, утверждали служители при конюшне), а возы с сеном и прочим фуражом для конюшни мешали выезду из переулка – это утверждали работники гаража. Владелец конюшни старый Мэт Эллис, бывший кавалерист, смотрел на работников гаража Билла Бору и Стэнли Питерса (во время войны оба были связистами) как на представителей поколения, уничтожавшего кавалерию и угрожавшего цивилизации... Зимой, во время охотничьего сезона, Роберт общался с кавалеристом и выслушивал его жалобы, в другое время года, когда автомобиль чинился и смазывался в гараже, он вникал в обиды работников гаража. Вот и сейчас Стэнли непременно понадобилось выяснить, какова разница между оскорблением и клеветой и можно ли считать диффамацией слова Мэта...

– Не знаю, Стэн. Надо подумать, – перебил Роберт, быст-

ро нажимая на стартер. Но сразу уехать ему не удалось. Пришлось ждать, пока выезд из переулка не освободят верховые: трое толстых детей и их грум, возвращавшиеся с послеобеденной прогулки. «Ну вот, сами видите!» – сказал Стэнли за спиной Роберта.

Чем ближе к южному окончанию Хай-стрит, тем меньше становилось магазинов и лавок, тем больше жилых домов, затем шли виллы, окруженные садами, а потом – сразу поля. Поля, отгороженные друг от друга живыми изгородями, тянулись бесконечно, домов почти не видно, можно ехать милью за милей, не встретив ни единого живого существа.

Там дальше, за горизонтом, находился Ларборо – городок, застроенный домами из грязного кирпича. В двух милях отсюда на Ларборо-роуд стоял дом, известный под именем Фрэнчайз. Когда-то давно некто приобрел поле, называемое Фрэнчайз, построил посредине плоский белый дом и затем окружил высокой, крепкой кирпичной стеной, как бы наглухо отгородив этот дом от мира. Когда-то при доме была конюшня, но она тоже была спрятана за кирпичной стеной. Дом походил на детскую игрушку, случайно оброненную на пустынной дороге. С тех пор как Роберт себя помнил, тут жил одинокий старик, а сравнительно недавно в Милфорд стала наезжать за покупками Марион Шарп с матерью, и вскоре стало известно, что они поселились в доме Фрэнчайз, унаследовав его после кончины старика. «Как давно они переселились сюда? – старался вспомнить Роберт. – Три

года назад? Четыре?»

Эти женщины не пытались завести знакомства среди обитателей Милфорда, держались особняком; у обеих был такой вид, будто им вполне хватает общества друг друга.

Когда Роберт остановил свой автомобиль у высоких железных ворот, он увидел, что там стоят еще две машины. Достаточно было взглянуть на ближайшую – такую незаметную, ухоженную, скромную, чтобы понять, чья она. «В какой другой стране мира, – подумал Роберт, – полиция старается быть такой вежливой и предупредительно-ненавязчивой?»

Он посмотрел на вторую машину и увидел, что она принадлежит Хэллему – местному инспектору, классному игроку в гольф.

В полицейском автомобиле сидели трое: шофер, а на заднем сиденье – женщина средних лет и то ли ребенок, то ли юная девушка. Шофер скользнул по Роберту мягким, отсутствующим и все замечающим полицейским взглядом, а затем отвернулся. Лиц у сидящих сзади Роберту рассмотреть не удалось.

Высокие железные ворота были закрыты – Роберт не помнил, чтобы они когда-нибудь вообще бывали открыты, – и он толкнул одну из железных половинок, не скрывая любопытства. Ворота с их плоскими железными листами были сделаны явно все с той же целью – укрыться от посторонних взглядов. Стена была слишком высока, чтобы можно было что-то разглядеть с улицы, и, кроме крыши и труб, заметных

издали, Роберт Блэр никогда не видел дома Фрэнчайз.

Его ждало разочарование: дом оказался уродлив. Все там было немножко не так, как хотелось бы: окна неправильного размера, слишком широкая дверь, слишком высокие ступени, и в целом у дома было хмурое выражение. Пока Роберт шагал через двор к негостеприимной двери, он догадался, что ему напомнил этот дом: собаку, внезапно разбуженную шагами прохожего и еще не знающую, что делать – накинуться на него или попросту залаять. «Что вам тут надо?» – вот с каким выражением смотрел на чужака этот дом.

Он не успел позвонить, как на пороге появилась не горничная, а сама Марион Шарп.

– Я увидела вас в окно, – сказала она, протягивая ему руку, – и боялась, что вы позвоните: мама обычно отдыхает в это время. Я надеюсь, что нам удастся поговорить до ее пробуждения. Хоть бы она никогда ничего об этом не узнала! Не могу выразить, как я вам благодарна за ваш приезд!

Роберт пробормотал что-то в ответ и тут только заметил, что глаза у нее вовсе не цыганские, черные, как он думал, а серо-карие. Она ввела его в дом, и он, кладя свою шляпу на комод в передней, обратил внимание на старый, потертый ковер.

Инспектор Хэллам пристроился на краешке вышитого бисером сиденья стула и выглядел смущенно. А у окна, чувствуя себя весьма и весьма свободно, восседал на старинном стуле Скотленд-Ярд в лице молодого человека в прекрасно

сшитом костюме.

Оба встали, и Роберт поздоровался с Хэлламом.

– Значит, вы знакомы? – спросила Марион Шарп. – Ну, а это инспектор Грант из Скотленд-Ярда.

Пожимая Роберту руку, Грант сказал:

– Рад, что вы приехали, мистер Блэр, не только за мисс Шарп, но и за себя.

– За себя?

– Если бы мисс Шарп не имела поддержки, пусть даже просто дружеской, мне было бы трудно продолжать. Но вы адвокат, и тем лучше!

– В чем вы ее обвиняете?

– Мы ни в чем ее не обвиняем... – начал было Грант, но Марион его перебила:

– Предполагается, что я кого-то похитила и избила.

– Избила?

– Именно. Избила ее в кровь, до синяков.

– Ее?

– Девочку. Она сейчас там, за воротами, в машине.

– Разрешите я объясню, – мягко предложил Грант.

– Хорошо, – согласилась мисс Шарп, – объясняйте. Это ведь ваша версия!

«Интересно знать, – подумал Роберт, – уловил ли Грант насмешку в ее тоне?» Роберта несколько удивило присутствие духа мисс Шарп, позволившей себе насмешливо разговаривать с представителем Скотленд-Ярда. А по телефону

она не казалась такой выдержанной и смелой. Тогда в голосе ее звучало отчаяние. Быть может, присутствие союзника подбодрило ее, а быть может, у нее попросту открылось второе дыхание.

— Как раз перед Пасхой, — заговорил Грант в сжатой и точной полицейской манере, — девочка по имени Элизабет Кейн, живущая со своими опекунами около Эйльсбери, поехала на каникулы к своей замужней тете в Мэйншил, в окрестности Ларборо. Она отправилась туда автобусом, потому что автобусы из Лондона в Ларборо, проходящие через Эйльсбери, также проходят через Мэйншил. Таким образом, она могла сойти с автобуса в Мэйншиле, откуда всего три минуты ходьбы до дома ее тети. Если бы она ехала поездом, ей пришлось бы выйти в Ларборо и затем ехать в обратном направлении. В конце недели ее опекуны мистер и миссис Уинн получили от нее открытку, в которой говорилось, что ей живется у тети весело и она собирается побыть тут еще. Опекуны поняли, что девочка решила остаться в Мэйншиле до конца школьных каникул, то есть еще на три недели. Но когда она не явилась домой к началу школьных занятий, опекуны решили, что она просто разленилась, и написали тете, чтобы та отправила девочку домой. Но тетя, вместо того чтобы позвонить по телефону из ближайшего почтового отделения, сообщила Уиннам в письме, что племянница уехала от нее уже две недели назад. Обмен письмами занял большую половину следующей недели, и когда опекуны обратились в поли-

цию, то в общей сложности девочка отсутствовала уже три недели. Полиция приняла меры к розыску, но тут девочка явилась сама. Однажды ночью она пришла домой в платье на голое тело, без чулок, в одних башмаках, еле волоча ноги от усталости.

– Сколько ей лет?

– Пятнадцать, вернее, почти шестнадцать. Она сказала, что ее похитили, увезли в автомобиле. И это все, чего опекуны смогли от нее добиться за два дня. Она была в полубессознательном состоянии. Примерно через двое суток она пришла в себя и тогда рассказала им...

– Им?

– Ну да, своим опекунам, Уиннам. Полиция намеревалась расспросить ее саму, но девочка так нервничала при упоминании о полиции, что пришлось от непосредственного контакта отказаться и довольствоваться тем, что она рассказала домашним. По ее словам, когда она ждала на перекрестке в Мэйншиле, рядом остановился автомобиль, в нем сидели две женщины. Та, что помоложе, была за рулем и предложила девочке довезти ее.

– Девочка была одна?

– Да.

– Почему же никто ее не провожал?

– Дядя работал, а тетку какие-то друзья попросили быть крестной матерью их младенца, и она в тот день отправилась на крестины... Девочка сказала, что ждет лондонский

автобус, но женщины сообщили ей, что автобус уже ушел, и она им поверила. Она и сама боялась, что опоздала к автобусу, а было уже четыре часа, шел дождь, начинало темнеть. Женщины предложили довезти ее до местечка, название которого она не разобрала, откуда через полчаса пойдет автобус к Лондону. Девочка с благодарностью приняла это предложение и села рядом со старой женщиной... Дождь заливал стекла. Впрочем, девочка не обращала внимания на дорогу и рассказывала своей соседке о себе. Когда наконец она огляделась, уже совсем стемнело и казалось, что они едут уже очень долго. Тут она стала благодарить дам за их доброту, что они ради нее отклонились от своего пути, но женщина помоложе, которая до сих пор молчала, заявила, что нет, вовсе они не отклонились, они едут к своему дому, и предложила девочке зайти выпить кофе и перекусить, а затем ее отвезут к автобусу... Зачем, мол, двадцать минут под дождем ждать автобуса, когда за это время можно обогреться и поесть? Девочка согласилась. Они въехали в ворота, но было слишком темно, чтобы разглядеть дом. Девочку ввели на кухню...

– На кухню? – переспросил Роберт.

– Да. Старая женщина поставила на плиту кофейник – разогреть кофе, а другая стала делать бутерброды. Пока они пили и ели, старая дама сообщила, что у них сейчас нет горничной и, быть может, девочка согласится поработать у них хоть немного. Та наотрез отказалась. Женщины настаива-

ли... Сказали, пусть хоть поднимется наверх, посмотрит, в какой славной комнатке ей предстоит жить, если она здесь останется... Девочка говорит, что в ту минуту она была такой усталой и растерянной, что подчинилась. Она помнит, что первый марш лестницы был застлан ковровой дорожкой, на втором же дорожки не было, а было под ногами «что-то твердое». И это все, что она запомнила, пока не проснулась следующим утром на узкой и низкой кровати в чердачной голой комнате. На девочке осталась лишь комбинация и никаких следов ее одежды. Дверь заперта, маленькое круглое окно – тоже. Во всяком случае...

– Круглое окно, – повторил Роберт с чувством какой-то неловкости.

– Да, круглое, – подтвердила Марион. – Круглое окно в крыше.

...Когда Роберт подходил к дому, у него мелькнула мысль: «До чего ж неудачно всажено в крышу это круглое оконце». Поэтому слова Марион показались ему вполне достаточным комментарием...

Грант, по своему обыкновению, сделал вежливую паузу и продолжал:

– Скоро более молодая женщина явилась с миской каши. Девочка отказалась есть, потребовав, чтобы ей вернули одежду и отпустили. Женщина ответила, что, мол, будешь есть, когда проголодаешься, и, оставив миску, ушла. Девочка просидела одна до вечера. Затем снова пришла эта жен-

щина, принесла поднос с чаем и свежими булочками и вновь стала уговаривать девочку поработать горничной. Девочка снова отказалась. По ее словам, эти уговоры и даже угрозы продолжались несколько дней. Наконец она решила разбить окошко, выбраться на крышу и позвать на помощь какого-нибудь прохожего или бродячего торговца. К сожалению, единственным орудием был стул, и девочке не удалось разбить стекло, оно лишь треснуло. И тут ворвалась молодая женщина. Она выхватила у девочки стул, избива ее, унесла стул, затем вернулась с хлыстом и вновь стала бить девочку, пока та не потеряла сознание. На следующий день появилась старуха с охапкой постельного белья и заявила, что если девочка не хочет работать, то пусть хотя бы займется починкой. Если же и это не будет делать, то не получит еды. Но девочка слишком скверно себя чувствовала, чтобы взяться за шитье, и ей не дали есть. На другой день ее вновь угрожали избить, если она не возьмется за починку. Она починила кое-что из белья и ей дали тушеного мяса на ужин. Так продолжалось несколько дней, и, если девочка шила плохо или мало, ее лишали пищи и били. Однажды старуха принесла ей, как обычно, тарелку с тушеным мясом и ушла, оставив дверь незапертой. Девочка немного подождала, решив, что это ловушка, но затем выбралась на лестничную площадку. Было тихо, и она сбегала вниз по ступенькам. Из кухни раздавались голоса обеих женщин. Девочка кинулась к входной двери, тоже оказавшейся незапертой, и выскочила в ночную

тму...

– В комбинации? – спросил Роберт.

– Да, забыл сказать, что платье ей вернули. На чердаке нет отопления, и, если бы она оставалась в одной комбинации, она бы, возможно, простудилась и умерла.

– Если она вообще была на чердаке, – заметил Роберт.

– Если, как вы сказали, она вообще была на чердаке, – спокойно подтвердил инспектор. И продолжал: – Что было дальше, она плохо помнит. По ее словам, она долго брела в темноте. Ей показалось, что это шоссе, но навстречу не попадались ни машины, ни пешеходы. Затем появился грузовик. Шофер заметил ее в свете фар и остановился, предложив подвезти. Девочка так устала, что тут же уснула. Когда она проснулась, они стояли на обочине, и шофер грузовика со смехом сказал, что она похожа на куклу, из которой вытряхнули опилки. Шофер уверял, что она просила высадить ее именно тут. Он уехал, а она, оглядевшись, узнала местность: до ее дома оставалось менее двух миль. Тут она услышала, как часы пробили одиннадцать. И незадолго до полуночи явилась домой.

Глава вторая

Наступило короткое молчание.

– Это та девочка, которая сидит сейчас там, в машине? – спросил Роберт.

– Та самая.

– Видимо, у вас были причины привезти ее сюда?

– Да. Когда она вполне оправилась, ее удалось убедить рассказать полиции все, что с ней случилось. Ее рассказ за-
стенографирован, она прочитала и подписала стенограмму. В этом заявлении было два пункта, которые помогли полиции. Вот они: «Когда мы находились в пути, то обогнали автобус со светящейся надписью «МИЛФОРД». Нет, я не знаю, где Милфорд. Я там никогда не бывала». И вот еще: «Из окна чердака мне были видны высокая кирпичная стена и большие железные ворота. Позади стены шла дорога, потому что я видела телеграфные столбы. Нет, я не могла видеть идущие по дороге машины, стена была слишком высокая. Изредка лишь крыши грузовиков. Сквозь ворота тоже ничего не увидишь, потому что они закрыты изнутри листовым железом. От ворот автомобильная дорожка сначала идет прямо, затем разветвляется, делая круг у двери. Нет, я не помню никаких кустов или клумб, просто трава. Да, по-моему, лужайка. Нет, просто трава и тропинки».

Грант захлопнул блокнот.

– После тщательных поисков мы установили, что ни один дом между Ларборо и Милфордом не соответствовал этому описанию, кроме Фрэнчайза. А Фрэнчайз соответствует даже в мелочах. Когда девочка сегодня увидела стену и ворота, она прямо заявила, что это то самое место. Внутри она еще не была. Я хотел сначала поговорить с мисс Шарп и удостовериться, что она не возражает против того, чтобы увидеть девочку. Мисс Шарп справедливо предложила, чтобы при этом свидании присутствовал свидетель.

– Теперь вы понимаете, почему мне так спешно понадобилась помощь? – сказала Марион Шарп, повернувшись к Роберту. – Слышали вы когда-нибудь такую чепуху?

– И в самом деле, рассказ девочки – это довольно-таки пестрая смесь фактов и абсурдов, – ответил Роберт. – Конечно, домашнюю работницу найти трудно, но какому нормальному человеку может прийти в голову мысль заполучить прислугу насильно, не говоря уж об избиениях, о голоде?..

– Нормальному человеку – разумеется, – согласился Грант, пристально глядя на Роберта, – но, поверьте, за первый же год работы в Скотленд-Ярде мне пришлось столкнуться с вещами куда менее правдоподобными. Нет предела людским странностям.

– Верно. Но немало странностей и в поведении девочки. Кстати сказать, все странности начинаются именно с нее. Это ведь она пропадала неизвестно где целый месяц, а тем временем жизнь здесь, в этом доме, шла как обычно. Не со-

общит ли нам мисс Шарп, что она делала в тот день, о котором идет речь?

– Алиби у меня нет, – сказала Марион Шарп. – Инспектор утверждает, что случилось это двадцать восьмого марта, с тех пор прошло немало времени, а жизнь наша так однообразна... Мы просто не в силах вспомнить, что именно делали двадцать восьмого марта, и вряд ли кто-нибудь сможет припомнить это за нас.

– Ваша служанка? – спросил Роберт. – Слуги порой помнят все мелочи, все, что случается в доме. На этот счет у них просто редкостная память.

– У нас нет служанки, – ответила Марион. – Нам трудно найти служанку: дом Фрэнчайз стоит на отшибе.

Присутствующие ощутили какую-то неловкость. Наступило молчание, и Роберт поспешил его нарушить:

– Эта девочка... Как ее имя, между прочим?

– Элизабет Кейн. Все зовут ее Бетти Кейн.

– Ах да, вы мне уже говорили, простите. Так вот, что известно об этой девочке? Полагаю, что, прежде чем поверить ее рассказу, полиция поинтересовалась ее прошлым? Почему, например, у нее опекуны, а не родители?

– Она сирота. Во время войны ее эвакуировали в район Эйльсбери. Она была единственным ребенком среди эвакуированных, и ее закрепили за Уиннами, у которых был сын четырьмя годами старше девочки. Примерно через год родители девочки погибли, и Уинны, которые всегда мечтали

иметь дочь, с радостью оставили ее у себя. Она относится к ним как к родителям, так как едва помнит своих отца и мать.

– Понятно. Ее характеристика?

– Превосходная девочка, спокойная, тихая. Учится хорошо, хотя и не блестяще. Никаких историй ни в школе, ни вне ее. «Абсолютно правдива» – вот что сказала о ней ее школьная учительница.

– Когда она явилась домой после отсутствия, были ли на ней следы побоев?

– О да! Доктор семьи Уиннов осматривал девочку на следующее утро и заявил, что ее били, и били жестоко. Следы побоев сохранились и позже, когда она делала для нас заявление.

– Она не эпилептичка?

– Нет-нет, мы сразу же этим заинтересовались. Должен сказать, что Уинны – люди весьма разумные. Они были очень огорчены и взволнованны, однако не пожелали драматизировать случившееся, не хотели, чтобы девочка стала предметом нездорового интереса или чьей-либо жалости. Они отнеслись к происшедшему с достойной всяческих похвал сдержанностью.

– По-моему, единственное, что мне остается, – это тоже отнестись ко всему с достойной всяких похвал сдержанностью, – сказала Марион Шарп.

– Войдите в мое положение, мисс Шарп! Девочка не только описала дом, где, как она утверждает, ее заперли, но и

обитательниц дома, и очень точно: «Худошавая старая женщина с мягкими седыми волосами, без шляпы, в черном, и женщина много моложе, высокая, тонкая, темноволосая, как цыганка, без шляпы, с яркой косынкой на шее».

– Да-да. Не придумаю никаких объяснений, но ваше положение мне понятно. Ну а теперь давайте пригласим девочку, но перед этим мне хотелось бы сказать...

Дверь бесшумно распахнулась, и на пороге возникла старая миссис Шарп. После сна ее стриженные седые волосы были всклокочены, и она сильнее, чем обычно, походила на колдунью. Затворив за собой дверь, она оглядела собравшихся с каким-то злорадным интересом.

– Ха! – проговорила она хрипло, словно курица прокудахтала. – Трое незнакомцев.

– Позволь мне представить их тебе, мама! – сказала Марион, когда присутствующие вскочили на ноги. – Это мистер Блэр из фирмы «Блэр, Хэйвард и Беннет», у них еще такой красивый дом на Хай-стрит.

– Дому нужна новая крыша! – заявила старуха.

Замечание правильное, но весьма неожиданное.

Роберта отчасти утешило, что ее приветствие, обращенное к Гранту, оказалось еще более странным. Ее ничуть не удивило присутствие Скотленд-Ярда в их гостиной, и она просто сухо сказала:

– Вам не следовало садиться на этот стул, вы для него слишком тяжелы.

Но когда дочь представила ей инспектора местной полиции, старая дама бросила на него косой взгляд, лишь слегка наклонив голову, и явно тут же забыла о нем. Судя по выражению лица Хэллама, прием хозяйки его буквально сразил.

Грант вопросительно взглянул на мисс Шарп.

– Я расскажу ей все сама, – сказала она. – Мама, инспектор хочет, чтобы мы повидали девочку, которая сейчас ждет в машине. Она пропадала целый месяц, и наконец когда появилась у себя дома в Эйльсбери в очень неважном состоянии, то сообщила, что ее держали у себя люди, желавшие превратить ее в служанку. Они держали ее взаперти, и когда она отказывалась работать, морили ее голодом и избивали. Она описала и дом, и людей очень точно, и вышло так, что мы с тобой полностью совпадаем с этим описанием. Наш дом – тоже. По ее словам, мы запирали ее на чердаке с круглым окошком.

– Чрезвычайно интересно, – заявила старая дама, усаживаясь на диван. – Чем же мы ее били?

– Хлыстом для собаки, насколько я поняла.

– А у нас есть такой хлыст?

– По-моему, у нас есть старый собачий поводок, В случае надобности его можно превратить в хлыст. Но дело в том, что инспектор хочет, чтобы мы повидались с девочкой. Пусть она подтвердит, что мы те женщины, которые похитили ее.

– Вы не возражаете, миссис Шарп? – спросил Грант.

– Напротив, инспектор! Я с нетерпением жду этого свидания. Право, не каждый день я ложусь спать после обеда скучной старой женщиной, а просыпаюсь каким-то чудовищем.

Хэллам собрался было идти вниз, но Грант жестом остановил его. Очевидно, он сам решил понаблюдать за тем, какова будет реакция девочки на все, что она увидит внутри ограды.

Когда инспектор вышел, мисс Шарп объяснила матери, почему здесь присутствует Блэр.

– Было очень мило с его стороны сразу же согласиться и приехать так быстро!

– Я вам весьма сочувствую, мистер Блэр, – сказала старая дама, но при всем желании в голосе ее нельзя было уловить даже нотки сочувствия.

– Почему, миссис Шарп?

– Потому что уголовщина и психиатрия вряд ли ваша специальность.

– А на мой взгляд, все это очень интересно, – сказал Роберт и увидел на лице старой дамы некоторое подобие улыбки. Роберту даже вдруг показалось, что она почувствовала к нему расположение, хотя об этом трудно было догадаться по ее тону. Сухой голос по-прежнему язвительно произнес:

– Да, развлечений у нас в Милфорде маловато. Вот моя дочь, например, гоняет кусок гуттаперчи по гольфовому полю...

– Теперь гоняют не гуттаперчу, мама, – вставила дочь.

– ...но для людей моего возраста в Милфорде нет даже таких развлечений...

Дверь отворилась, и на пороге появился инспектор Грант. Он вошел первым, чтобы видеть выражения лиц присутствующих, а вслед за ним вошли служащая полиции и девочка.

Марион Шарп медленно приподнялась с места, как бы желая достойно встретить то, что ей предстоит. Ее мать осталась сидеть на диване, лишь слегка выпрямившись, сложив на коленях руки, с таким выражением, будто она дает аудиенцию. И хотя волосы старой дамы были всклокочены, создавалось впечатление, что она хозяйка положения.

На девочке была школьная форменная куртка и детские, на низких каблуках, школьные туфли. Она выглядела моложе, чем предполагал Блэр. Ростом невысока, и хорошенькой ее не назовешь. Но было в ней – как бы это точнее сказать – какое-то скрытое очарование... Ее темно-голубые глаза были широко расставлены, светлые волосы красивой линией лежали над чистым лбом, а на щеках, под чуть выдающимися скулами, по маленькой ямочке, что придавало ее лицу детски-трогательное выражение. Нижняя губа, пожалуй, полновата, рот слишком маленький. И уши маленькие. Слишком маленькие и слишком плотно прижаты к голове. В общем, самая обыкновенная девочка, отнюдь не похожая на героиню столь сенсационной истории. «Интересно, как бы она выглядела в другом костюме?» – подумал Роберт.

Взгляд девочки остановился сначала на старухе, затем на

Марион. В этом взгляде не было ни удивления, ни торжества, ни даже, как ни странно, простого любопытства.

– Да, это те самые женщины, – сказала она.

– Вы в этом уверены? – спросил Грант и добавил: – Помните, что это очень серьезное обвинение.

– Да, уверена. А как же иначе?

– Значит, эти две дамы – те самые женщины, которые заперли вас, отобрали у вас одежду, заставляли вас чинить белье и били вас хлыстом?

– Да. Те самые.

– Потрясающая лгунья, – сказала миссис Шарп таким тоном, каким обычно говорят: «потрясающее сходство».

– Вы сообщили, что мы отвели вас на кухню, где напоили кофе, – сказала Марион. – Можете описать кухню?

– Я не вглядывалась. Помню, что кухня большая с каменным полом.

– А какая там плита?

– Плиту я не заметила, но вот кастрюля, в которой старая дама разогревала кофе, была бледно-голубая, эмалированная, с темно-синей каймой, а внизу немножечко побитая.

– Полагаю, что в Англии нет кухни, где не было бы точно такой кастрюли, – заметила Марион. – У нас, например, таких три.

– Она девственница? – спросила миссис Шарп тем вежливо-заинтересованным голосом, каким спрашивают: «Как называется этот мост?»

Последовало изумленное молчание, и Роберт, оглядевшись, увидел вытянувшееся лицо Хэллама и яркий румянец на щеках девочки. Однако больше всего его поразило то, что со стороны Марион не последовало возгласа «Мама!», – которого он ожидал с каким-то подсознательным убеждением. Не означало ли это молчаливого одобрения? Или же Марион, всю жизнь проводя бок о бок с матерью, уже привыкла ничему не удивляться?

Первым прервал молчание Грант, заявив с укоризной в голосе, что это не имеет значения.

– Вы так думаете? – спросила старая дама. – Если бы я пропадала из дому целый месяц, именно на этот вопрос моя мать пожелала бы получить ответ в первую очередь. Ну-с, теперь, когда девочка нас опознала, что ж вы собираетесь делать? Арестовать нас?

– Нет-нет. Пока об этом не может быть и речи. Я собираюсь пойти с мисс Кейн на кухню и на чердак, чтобы проверить, правильно ли ее описание. Если ее показания подтвердятся, доложу начальнику, а там уж он сам будет решать, что делать.

– Понимаю. Что ж, осторожность похвальная, инспектор. – Она медленно поднялась с дивана. – А теперь, с вашего разрешения, я вернусь в спальню и наверстаю прерванный по вашей вине отдых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.